
Глава 1

Михайловский уже подъезжал к месту проведения гонок. Дорога была ему хорошо известна, гонки здесь проходили не в первый раз, поэтому машину он вел не задумываясь, на автомате.

Михайловскому было не по себе. Он был зол, недоволен и раздражен, как будто получил неприятное известие. Ни о чем определенном он не думал, а только ощущал тяжесть на душе и оцепенение во всем теле. Что-то ныло внутри, и он не мог избавиться от этой боли, которую ощущал каждой клеточкой своего тела. Тревога нарастала, мучила и переходила в предчувствие беды. Последнее время такое состояние для Михайловского стало привычным. Он знал, как избежать этих страданий, знал, что всего один укол — и исчезнут физическая и моральная боль. Но днем он уже принял дозу, а повторение было чревато последствиями. Ему только нужно дождаться окончания гонок, и тогда он наконец поправит здоровье. Некогда состоятельный и удачливый профессиональный гонщик, он из-за пристрастия к наркотикам как-то незаметно для себя превратился в никчемного человека, пребывающего в состоянии вечного должника. У него не было ни квартиры, ни работы. Даже машина, на которой он ехал сейчас, принадлежала его старому знакомому, который месяц назад, поддавшись уговорам, подписал на Михайловского доверенность и теперь разыскивал его по всему городу через друзей. Михайловский постоянно нуждался в деньгах. Складывалось такое впечатление, что он задолжал всему миру. Одним из источников его доходов были гонки, которые устраивал в городе бизнесмен Николай Ткаченко. Человек весьма состоятельный, Ткаченко занимался гонками для развлечения, а не для приумножения собственного капитала. И хотя ставки он делал

большие, радость ему доставляли вовсе не деньги, а победа как таковая. В сегодняшних гонках должны были принять участие три машины, принадлежащие Ткаченко, одной из них должен управлять Михайловский.

До гонок оставалось полтора часа. Припарковавшись, Михайловский вышел из машины и уверенно направился в летнее кафе. Ему нужно было переговорить с Ткаченко. Он знал, что найдет его там. Разговор предстоял тяжелый. Михайловский понимал, что просить денег у Ткаченко бесполезно, но выбора не было. Он должен был достать деньги сегодня. Во что бы то ни стало... Ткаченко был его последней надеждой.

— Здравствуй, Витя, — окликнул его Николай Алексеевич на полпути и распростер руки для объятий, как будто встретил старого друга. Одной рукой обнимая Михайловского и похлопывая его по плечу, Ткаченко, словно напоказ, громко и преувеличенно радостно продолжил: — Я тебя уже с полчаса жду. Волнуюсь. Видишь, даже встречать вышел. Пойдем, сначала кофейку выпьем, а потом машинку посмотрим.

Они вошли в совершенно пустое кафе, если не считать измученную жарой официантку, стоящую за барной стойкой.

— Лидочка, чашку черного кофе моему гонщику и коньячку мне, — бросил на ходу Ткаченко, направляясь к дальнему столику.

Лидочка была обладательницей длинных стройных ножек и пышного бюста. Она наверняка знала о достоинствах своей фигуры. На ней была розовая, сильно обтягивающая блузка и такая же розовая, предельно короткая юбочка.

— Хороша стерва, а, — причмокнув, сказал Николай Алексеевич, усаживаясь на стул и с удовольствием наблюдая за приближающейся девушкой с подносом в руках.

Лидочка поставила на столик пепельницу, чашку кофе и бокал, в котором было не меньше ста пятидесяти граммов коньяка. Подарив Ткаченко очаровательную, белозубую улыбку и совершенно проигнорировав Михайловского, девушка медленно, покачивая бедрами, удалилась за барную стойку.

— Да, Витек... Плохи твои дела, если на тебя Лидка не отреагировала, — громко рассмеялся Ткаченко. — Она ни одного мужика не пропускает, даже механиками не гнушается, а о

гонщиках я вообще не говорю. Если такая баба на тебя внимания не обращает, к доктору бежать надо.

Снова рассмеявшись, он взял бокал с коньяком.

— Бабы на деньги реагируют, а деньги — это ты, Коля, — сухо ответил на шутку Михайловский.

— Ладно, не заводись. Сегодняшнюю гонку выиграешь — и на тебя реагировать станут. — Ткаченко пригубил коньяк. — Хотя тебя давно не девки, а дурь интересуется. Ты и сейчас влегкую вмазанный. Я-то вижу. Зрачки с пятаяк.

— Я утром вмазался. Только чтоб руки не дрожали, иначе за руль сесть не смог бы. — Михайловский вытянул руки вперед так, чтобы собеседник удостоверился в его словах.

— Да не оправдывайся ты. Здесь не «Формула-1», допинг-контроль никто проводить не собирается. — Ткаченко поставил на столик бокал, достал из кармана пачку сигарет и массивную металлическую зажигалку. Прикурил сигарету и протянул пачку Михайловскому: — Попробуй. Мне с Кубы привезли, отличный табак.

— Нет, спасибо. — Периодические приступы тошноты отбивали желание у Михайловского и курить, и пить кофе.

— Не по-детски тебя колбасит. — Ткаченко выпустил струйку дыма в бокал и, любуясь результатом, продолжил каким-то искусственно незаинтересованным тоном: — Ты, Витя, в барахло превращаешься. В любой момент подохнуть можешь. Мне, конечно, на здоровье твое плевать, живи, как знаешь. Но дело страдает. Ты правильно меня пойми, я не бабки имею в виду, хотя они лишними не бывают и терять я их не привык. Я, Витя, о доверии говорю. Сложно становится с тобой. Неизвестно, чего от тебя на трассе ждать. Я на прошлой гонке десять лет жизни потерял. До конца не был уверен, что ты первым придешь. Да и машину ты уделал так, что до сих пор все удивляются, каким чудом она до финиша дотянула.

— Но пришел-то я первым. А накладка была не по моей вине. Лысый сам напросился. Да если бы я знал, что он тоже твою тачку ведет, близко к нему не подъехал бы. Хотя это он меня прижимал. — Нервы Михайловского были напряжены до предела, он был близок к истерике.

— Да ладно, не горячись. — Ткаченко одним глотком осушил полбокала и загасил в пепельнице окурочок. — То, что Лы-

сый на моей тачке поедет, я тебе сто раз говорил. Только ты до такой степени обдолбанный был, что ничего не слышал и не соображал, что происходит. Завязывай ты с этим дерьмом. Я не посмотрю, что ты мой любимый гонщик, замену тебе быстро найду.

— Ты кого имеешь в виду? На кого намекаешь? Не на Антошу ли Верницкого? Да этот малолетка под стол пешком ходил, когда я золото на международных соревнованиях брал! — прокричал Михайловский и ударил ладонью о стол.

— Правильно говоришь. Только когда тебя из большого спорта за наркоту выперли, он из-под стола вышел и за руль сел, — спокойно ответил Ткаченко, прикуривая новую сигарету.

Какое-то время он задумчиво молчал, внимательно рассматривая сигаретный дым, потом внезапно и резко, словно прерывая собственную мысль, обратился к Михайловскому:

— Сегодня ставки слишком большие. Поэтому амбиции свои попридержи. Нечего мастер-класс по фигурному катанию устраивать. Хватит, в прошлый раз нарисовался. Так, для виду, чтоб не совсем скучно было, прижми кого-нибудь на старте, потом вперед вырывайся и первым финишируй. Я на тебя много поставил, так уж ты меня не подведи, Витенька.

— Слушай, Коля... А сделай и за меня ставку. Сегодня риска никакого. Ты же видишь, я в форме. Сделай, Коль, одолжение, а я тебе, как все закончится, тут же деньги и верну, — скороговоркой выпалил Михайловский.

Ткаченко усмехнулся.

— Дело не в риске, а в принципе. Ты же знаешь, я денег в долг никому не даю. — Он допил коньяк и, поставив на стол пустой бокал, провел кончиком пальца по его стеклянному краю. Наблюдая за движением своей руки, Николай Алексеевич расслабленным тоном лениво продолжил: — А потом, ты мне и без того должен. Ты что же думаешь, мне ремонт машины после прошлых твоих выкрутасов дешево обошелся? Я и без того тебе очень прилично плачу.

— Поставь за меня, Коля, у меня край. Я тебе после гонок все верну. И ремонт оплачу, если хочешь... А хочешь, я Верницкому на второй круг выйти не дам? Хочешь, он к финишу

даже пятым не придет? Только дай мне денег! Поставь за меня, Коля! Мне деньги нужны!

Михайловский захлебывался от переполняющих его эмоций. Казалось, он готов пойти не только на любые условия, но и на любые унижения, лишь бы получить деньги. Ткаченко стало немного не по себе от такого эмоционального натиска.

— Ладно. Успокойся, не ори, — сказал он. — Про ремонт я сказал, чтоб ты не слишком борзел. Да и Андрей так машину залатал, что она лучше, чем новая, стала. Кстати, времени уже много, ты бы пошел, проверил машину перед гонками... А о деньгах сейчас не думай. Финишируешь первым — вернемся к этому разговору.

Михайловский медленно поднялся со стула. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Сердце то с бешеной силой колотилось, то замирало, в горле пересохло, а глаза застилала мутная пелена. Он собрался с силами. Опершись руками о столик и глядя на Ткаченко сверху вниз, он очень волевым тоном произнес:

— А с наркотой я завяжу. Сам решил. — И не дожидаясь ответа, быстро пошел к выходу.

— Хорошо, Витя! Ты к машине иди, я сейчас подойду! — крикнул ему вслед Ткаченко.

А про себя подумал, что не в первый раз слышит от Михайловского эту фразу, чтобы принять ее за правду.

Хотя физически, после всего сказанного, Михайловский чувствовал себя немного лучше, однако душевного комфорта он не испытывал. В состоянии крайней озлобленности он отправился к «отстойнику», месту, куда перед гонками пригоняли машины Ткаченко, за которыми тщательно следил и которые зорко оберегал от конкурентов Андрей, механик — золотые руки, а по совместительству охранник, давний знакомый Михайловского. Их знакомство началось примерно десять лет назад. Это был период жизни Михайловского, когда он под заказ перегонял иномарки из Европы в Москву. Бизнес этот был не легкий и не всегда легальный. По любому вопросу он обращался к Андрею, для которого не составляло труда перебить номера в соответствии с документами, не говоря о придании товарного вида машине перед продажей.

— Привет, Андрюха, — поздоровался Михайловский, увидев только ноги, торчащие из-под кузова машины.

— О, Витек! Здорово! — выползая и кряхтя при этом, приветствовал его Андрей. — Прости, брат, руки не подам. Грязные у меня ручки, — громко рассмеялся он.

Грязными у Андрея были не только руки, но и спецовка, и лицо, и даже волосы, казалось, были в машинном масле.

— Ну, принимай девочку! — Он схватил тряпку, валяющуюся рядом, быстро вытер об нее руки и, подойдя к машине, которую должен был вести Михайловский, положил руку на капот. — Ты только посмотри, какое я личико из ее разбитой морды сделал. Это ж работа, достойная пластического хирурга! — Он снова рассмеялся, открыл капот и с гордостью произнес: — А внутренности? Не движок, а сказка!

Михайловский подошел к машине и невидящими глазами уставился на двигатель.

— Да, картинка, — мрачно произнес он, но тут же решил польстить механику: — То, что ты мастер от бога, я еще десять лет назад знал. Но что ты на такое способен, даже не догадывался. Слушай, да ты при желании из сраного «Запорожца» «мерина» легко сделаешь! А? — Михайловский шутя ударил механика в плечо и натянуто рассмеялся собственному остроумию.

— Да ладно тебе, Витек. — Смутившись, Андрей покраснел, как девушка, и отвернулся в сторону.

Отметив про себя, что похвала возымела действие, Михайловский неожиданно резко схватил Андрея за плечи и, пристально глядя в глаза, зашептал:

— Выручай, Андрюха. Дай займы. Мне нужно на себя ставку сделать. Прошлые гонки многих напугали. На меня сегодня Ткаченко поставил... Ну, может быть, еще пара-тройка человек, не больше... Ты представляешь, какие деньжищи можно хапнуть! Дай займы. Сегодня я, как никогда, в силе. Дай денег, Андрюха, я тебе их с огромными процентами верну.

— Ты чего, Витек, сдурел? — проговорил растерянный Андрей, освобождаясь из цепких рук Михайловского. — Какие проценты? Какое хапнуть? Ты чего, не в курсе? Я ж квартиру в центре купил. У меня денег — ноль. Зинка, прорва ненасыт-

ная, у меня весь левак отбирает. То ей на ремонт, то на мебель, то на то, то на се... Да, Витек, если бы у меня бабло на кармане было, я сам сегодня на тебя поставил бы. Но пустой я. Пустой! Нет у меня ни копейки! — уже переходя на крик, оправдывался Андрей.

— Все, забудь. — Михайловский снова ощутил приступ тошноты. Присел на скамейку, стоящую рядом, и опустил голову. — Пустой, значит, пустой, — проговорил он почти равнодушно.

— Ты что, не веришь мне? Да ты у любого спроси! Да тебе все...

— Верю, успокойся, верю, — прервал Андрея Михайловский.

Он, конечно, не верил ни одному слову механика. Прекрасно знал, что деньги у него есть, но теперь понимал, что займы он не даст.

— Чего ты там про Зинку говорил? — попытался он сменить тему разговора.

— Зинка, говорю, от жадности совсем с ума сошла, — затараторил Андрей, обрадованный тем, что Михайловский сам прервал разговор о деньгах. — Сколько ни давай, ей, кобыле, все мало. — Он вздохнул и присел рядом с Михайловским. — Счастливый ты, Витя. Завидую я тебе. Живешь, как король. Куда хочешь, пойдешь, что хочешь, сделаешь. Да, великая вещь свобода!

— А ты не завидуй, ты разведись. — Михайловский с усмешкой посмотрел на Андрея.

— Да, разведись... — грустно усмехнулся тот. — Мы ж квартиру новую в равных долях оформили. Так что при разводе этой гадюке половина причитается.

— Тогда живи, Андрюша, и радуйся квартире, — презрительно, сквозь зубы, словно самому себе, тихо сказал гонщик.

— Злой ты стал, Витя. Чужие проблемы понять не хочешь. — Механик поднялся со скамейки и, сделав пару шагов, увидел приближающегося к ним Ткаченко. — Ну, вот и хозяин сюда идет.

Михайловский поднял голову. Усмехнулся и медленно, смакуя каждое слово, проговорил:

— Тебе, Андрюша, может, и хозяин, а вот кто он мне — видно будет.

Он поднялся со скамейки, принял расслабленную позу и постарался, чтобы на лице появилось выражение удовлетворения.

— Я вижу, пилот доволен! — шутливо прокричал Николай Алексеевич. — Ты что, Витя, еще мотор не опробовал? Иди, заведи этого зверя!

Михайловский улыбнулся и покорно направился к машине. Андрей вплотную подошел к Ткаченко и заискивающе зашептал:

— Он совсем плохой, Николай Алексеевич. Денег просил. Чуть не убил, когда я отказал. Эту гонку он, может быть, и отведет, а вообще решать нужно...

— Уже решил, — быстро и тихо ответил Ткаченко. — Эту гонку я ему в знак дружбы, за прошлые победы подарил, можно сказать. Для Верницкого машину к следующим гонкам готовить будешь. — Сменив тон, он громко обратился к Михайловскому, который все это время сидел в машине с включенным двигателем: — Не звук, а песня! Золото у нас механик. Ладно, Витя, готовься, скоро уже! С богом!

Михайловский наблюдал из машины за Ткаченко, который, махнув ему рукой, спокойным размеренным шагом пошел в сторону кафе. Не пройдя и пятидесяти метров, он встретил четырех молодых людей. Они весело и шумно перекинулись с Ткаченко несколькими фразами и разошлись. Ткаченко продолжил свой путь в кафе, а молодые люди направились в сторону Михайловского. Одного из них он видел впервые. Он был явно старше других и держался немного скованно. Остальные Михайловскому были хорошо знакомы. Слава и Юра — вечные гоночные тусовщики. Они не пропускали ни одного заезда, всегда все и про всех знали, ни один скандал не проходил без их участия, а чаще ими же и создавался. Они были похожи, как братья. Примерно одного возраста и роста, они одинаково одевались, одинаково говорили, одинаково вели себя, одинаково думали. Зная о машинах практически все, разбираясь в них лучше, чем многие механики и гонщики, они ни разу не садились за руль. Последним в компании был Верницкий.

С первой же встречи Михайловский и Верницкий на каком-то инстинктивном животном уровне испытывали друг к другу ненависть, злобу и отвращение. Один завидовал опыту и прошлой славе. Другой молодости и будущим победам.

Все четверо остановились метрах в десяти от машины.

— Прикинь, чемпион-то наш мотор завел, а как вырубить, забыл! — проорал Слава.

— Нет, как вырубить — он помнит, он забыл, где газ находится. Так все гонки здесь и проторчит, — поддержал шутку Юра, и, довольные собой, оба громко рассмеялись.

Михайловский заглушил мотор, но из машины выходить не спешил. Чувствовал он себя совершенно разбитым, но больше, чем физическое состояние, его тревожило ощущение, что эта встреча добром не кончится. На шавок Славу и Юру ему было наплевать. Их плоский юмор был интересен только им самим. Он даже не вызвал раздражения у Михайловского. Его поразил Верницкий. Вернее, не он сам, а его глаза. Что-то странное было в его взгляде, чего раньше не было и чему Михайловский никак не мог подобрать определения.

— Юрец, прикинь, чемпион вспомнил, как мотор глушить! Но из-за старости и наркоты у него проблемы не только с башкой, но и с ногами. Он теперь выйти из машины не может.

— Старость, Слава, уважать надо. Поможем? Он чемпион все-таки, а не какое-нибудь дерьмо сколовшееся.

Тусовщики снова рассмеялись. На этот раз незнакомец отреагировал на шутку, но смех его был тихим и сдавленным. Верницкий как будто и не слышал этих реплик. Он странно улыбался, погруженный в собственные мысли, и, не отрываясь, смотрел на Михайловского. И тут наконец-то Михайловский нашел определение его взгляду. Кроме обычных презрения, отвращения и злобы, во взгляде Верницкого была жалость. Жалость врача к неизлечимо больному пациенту. И это привело Михайловского в бешенство. Он вышел из машины. Он чувствовал себя настолько сильным, что готов был разорвать в клочья и Верницкого, и все его окружение.

— Ты чего, Витя? — Подбежавший Андрей схватил Михайловского за руки и одновременно преградил ему дорогу. — Ты чего на этих малолетних дебилов внимание обращаешь!

Они ж специально. Они довести тебя хотят. Да эти скоты со всеми себя так ведут...

Михайловский ничего не ответил. Не сделал ни одного движения. Он только посмотрел Андрею в глаза. И механик словно обжегся. Отдернув руки от Михайловского, он покорно отошел в сторону, давая ему пройти. Михайловский медленно пошел на Верницкого, который, не изменив позы, продолжал улыбаться. Они, не отрываясь, смотрели в глаза друг другу. Казалось, весь мир прекратил свое существование, осталась только ненависть этих двух людей.

С каждым шагом Михайловский чувствовал, как усиливается его злоба. С каждым шагом он становился сильнее. Он подошел к Верницкому вплотную, и они продолжали молча смотреть друг на друга. Напряжение росло и распространилось на всех присутствующих, которые как будто боялись не только сказать что-нибудь или пошевелиться, но и дышать.

Всеобщее оцепенение прервал неожиданный громкий смех Михайловского. Он смотрел на Верницкого и хохотал, как ребенок, не в состоянии остановиться. Улыбка исчезла с лица Верницкого. На мгновение он растерялся, но через секунду бросился на Михайловского и повалил его на землю. Катаясь в пыли, оба были похожи на дерущихся мальчишек. Верницкий беспрерывно тряс не прекращающего хохотать Михайловского и повторял одно слово: «Заткнись!»

Все, кто находился рядом, кричали, перебивая друг друга:

— Давай, Антоха! Добей эту гниду! — бесновались тусовщики. — Дай ему, чтоб загнулся! Достал наркоша гребаный! Давно это надо было сделать! Урод обдолбанный!

— Давай, давай, мочи его! — выкрикивал уже совершенно освоившийся незнакомец, попав в привычную для себя ситуацию.

— Хватит! Витя! На старт скоро! Да вы свихнулись оба! Хватит! Что ж вы делаете! — причитал Андрей, бегая рядом и беспомощно хватаясь за голову.

Одновременно, не сговариваясь, незнакомец, Андрей и тусовщики кинулись к дерущимся и оттащили их друг от друга. Тусовщики держали Верницкого, а незнакомец с Андреем Михайловского.

— Зачем же ты, Витя? Ну, все, успокойся. Нельзя же так. Старт скоро. Нехорошо. Нужно как-то по-мирному. — Отра-

хивая пыль с Михайловского, Андрей пытался то ли успокоить его, то ли отругать. — Нельзя так, я же прав? — обратился он к незнакомцу, как к старому другу.

Тот только усмехнулся и пожал плечами. Тусовщики в свою очередь пытались привести в порядок одежду Верницкого.

— Правильно, Антоха, так и надо. Не парься. Этот козел сам напросился. Я б на твоём месте вообще его придушил. Ты — молодец! — суетился возле Верницкого Слава, а потом, чтобы слышали все, прокричал: — Да у этого старого придурка от наркоты крышу снесло! Какой он на хрен профессионал, его даже таксистом никто не возьмет! Ему на свалку давно пора! Ткаченко его из жалости держит... Да и ему скоро отказаться придется! Шваль! Чемпион он!..

Тирану Славы остановил мощный удар Верницкого в челюсть. Слава схватился за лицо и в недоумении проговорил:

— Ты чего, Антоха? За что?

— Заткнись, — сухо произнес Верницкий, даже не посмотрев на почти плачущего от боли Славу.

Его сейчас интересовал только один человек. Он посмотрел на Михайловского взглядом, в котором уже не было ни злости, ни жалости, ни презрения, никаких других чувств, там была пустота и желание мести. Верницкий уверенно заговорил:

— Сегодня я приду первым. Тебя уже нет. Ты давно сдох. Сегодня я всем покажу, кто лучший гонщик. После этих гонок тебя все забудут. Я буду первым. Прощай, Михайловский. Ты уже никто, чемпион!

Верницкий развернулся, чтобы уйти, но его остановил спокойный голос Михайловского:

— Ты во всем прав, мальчик. Во всем, кроме одного. Тебе никогда не стать лучшим гонщиком.

— Увидишь, чемпион, — ответил, не оборачиваясь, Верницкий и ускорил шаг.

Его самоуверенное, веселое и наглое окружение последовало за ним в полном молчании.

— Все, Витя. Давай в машину. Ты что, скандала хочешь? Тебе прошлого раза мало? Давай шевелись! Ты что, думаешь, технический комиссар за опоздание похвалит? — пытался рас-

тормошить Андрей словно окаменевшего Михайловского. — Ну давай-давай! Ты пока на медкомиссию, а я как раз к техосмотру подойду.

Михайловский послушно сел в машину и отправился к боксу, открытой площадке перед стартом, где проводились медкомиссия, техосмотр и дозаправка. Медкомиссия прошла формально. Врач прекрасно знал о проблемах Михайловского, но гонщика Ткаченко до гонок допускали в любом случае. Андрей успел подойти к техосмотру. Претензий к машине не было. Технический комиссар даже сделал комплимент механику, от чего Андрей, падкий на похвалу и лесть, покраснел.

Все события Михайловский воспринимал, словно в тумане. Он как будто находился под гипнозом. Слова Верницкого о лучшем гонщике не выходили из его головы, но не раздражали Михайловского, а придавали ему большую уверенность в собственной победе. Он очнулся уже на старте и, увидев первый желтый сигнал светофора, понял, что даже не слышал, как объявили квалификационный заезд.

Для Михайловского квалификация прошла крайне неудачно. По ее результатам он даже не вошел в четверку лидеров. Он был шестым. Верницкий показал лучшее время. В перерыве Михайловский видел его довольное, но злое лицо. Тогда же к нему подбегал Андрей с какими-то советами. Подходил Ткаченко и пытался настроить его на победу. Кто-то из зрителей на трибуне выкрикнул его фамилию. Кто это был и по какому поводу кричал, Михайловский не понял. Хотя зрителей было мало и при желании легко можно было установить, кто это был. Все, что происходило, для Михайловского никакого значения не имело. Ему были безразличны результаты квалификации, презрение Верницкого, суета Андрея, забота Ткаченко. Он твердо знал, что выиграет сегодняшнюю гонку.

Объявили о готовности к началу. Михайловский надел шлем, сел в машину, перекинул через плечи ремни, застегнул их на поясе и занял на старте положение, соответствующее шестому результату. Теперь он был абсолютно спокоен. Проснулся истинный профессионал. Все внимание Михайловского было сосредоточено на светофоре. Загорелся первый желтый сигнал.

— Лучший гонщик! — прокомментировал вслух Михайловский.

Зажегся второй желтый.

— Лучший гонщик! — повторил он.

Третий желтый.

— Лучший гонщик! — Это уже было похоже на молитву. Когда загорелся зеленый, он, нажимая на газ, выкрикнул: «Вперед!» — и машина рванула с места.

Первых три круга Михайловский вел машину спокойно и вперед не вырывался. Верницкий был первым и шел с большим отрывом от остальных. На четвертом круге Михайловский прибавил скорость и очень быстро догнал лидера. Он шел, не отставая, но и не обгоняя его. После отмашки желтого флажка с перекрещенными черными линиями машины пошли на последний круг. Михайловский прибавил газа, догнал Верницкого, который уже не мог оторваться, и стал обходить справа. Верницкий подрезал его, Михайловский отстал, но при последнем повороте до финиша он на предельной скорости обошел Верницкого по внутреннему радиусу и финишировал.

Ткаченко не поверил своим глазам, когда увидел, что после машины Михайловского дали отмашку черно-белым шахматным флажком. То, что Михайловский финишировал первым, удивило многих, но то, что произошло потом, повергло в шок всех. Машина Михайловского сразу после финиша на полной скорости неожиданно резко взяла вправо и врезалась в отбойники. От удара машину подбросило вверх, она несколько раз перевернулась в воздухе и с грохотом упала на правый бок.

После аварии наступила такая тишина, как будто трибуны, на которых и без того было немного зрителей, опустели совершенно. Через мгновение на этих же трибунах поднялся шум, раздались крики, началась паника. Одни пытались пробраться к финишу, другие убежать в противоположную сторону. Все кричали, толкались, падали, пытаясь разобраться в происходящем, но никто ничего не мог понять.

Ткаченко стремительно бросился к машине. Он был слишком далеко. Он всегда выбирал самое высокое место на трибуне, чтобы наблюдать за гонками. Отпихивая людей, стоящих у

него на дороге, перепрыгивая через лавки, он выбежал на трассу, не обращая внимания на проезжающих мимо участников заезда. Ткаченко не останавливался ни на секунду. Он несся к месту аварии. Он видел, как около машины уже суетились медики и пожарные. Видел, как ее перевернули и поставили на колеса. Когда Ткаченко был совсем близко, он разглядел, что рядом с машиной лежит Михайловский. Ткаченко стало не по себе, он замедлил бег, пытаясь собраться с мыслями и понять, что же произошло. Не дав Ткаченко отдышаться, дорогу ему преградил Андрей.

— Николай Алексеевич... Я ничего не понял! А машина-то в полном порядке!.. Только косметический ремонтик, а тут такое!.. — тархтел он испуганно

— Что с ним? — закричал Ткаченко, хватая Андрея за грудки.

— Я только недавно каркас безопасности усилил! Каждый винтик сам проверил!..

— Что с ним?! — еще громче крикнул Ткаченко в бешенстве.

Андрей снова стал что-то говорить про ремонт. Ткаченко не выдержал и, отшвырнув его в сторону, направился к разбитой машине.

Вокруг Михайловского столпилось много людей. Пожарные, механики, медики. Протиснувшись сквозь толпу и подойдя совсем близко, Ткаченко увидел, что Михайловский весь в крови. Он обратился к склонившемуся над гонщиком врачу.

— Как он? Что с ним?

— Видимых повреждений и переломов нет, — ответил врач, распрямляясь. Он снял очки и, укладывая их в карман халата, продолжил: — Авария здесь ни при чем. Смерть наступила мгновенно, вследствие...

— Наркота проклятая! Витя, Витя! Что ж ты?

Не дослушав причитания Николая Алексеевича, врач бесстрастным тоном закончил начатую фразу:

— Вследствие пулевого ранения в голову.

Только теперь Ткаченко заметил на шлеме Михайловского с левой стороны в районе виска маленькое аккуратное отверстие от пули.

Глава 2

Ткаченко быстрым уверенным шагом прошел прямо в приемную Орлова, невольно отеснив в сторону Верочку, как раз выходящую из кабинета начальника.

— Здравствуйте, Николай Алексеевич, — произнесла она, обводя взглядом импозантного посетителя, но в это время мужчины уже встретились взглядами, и Ткаченко оставил приветствие секретарши без внимания.

— Проходите-проходите, — сказал генерал, вставая из-за стола и спеша навстречу гостю с протянутой для рукопожатия ладонью. — Чем богаты, тем и рады, — добавил он, обводя рукой два кожаных кресла в углу кабинета, рядом с которыми на столике Верочкой был приготовлен небольшой ланч.

— Зачем все это? — несколько смущенно проговорил гость, усаживаясь в мягкое, податливое кресло. — Я бы мог пригласить вас в ресторан, но, честно говоря, после этого случая у меня испортился аппетит.

— У нас каждый день — повод для ухудшения аппетита, — пошутил Орлов. — Я уже привык есть безо всякого удовольствия. Так, на бегу, на ходу... Поэтому, ради бога, не переживайте, я все равно плохой компаньон по этой части. Такая работа, ничего не поделаешь.

Петр Николаевич устроился напротив своего собеседника и предложил на выбор несколько напитков. Ткаченко остановился на кофе с коньяком. Несколько минут вокруг стола продолжались приготовления. Ткаченко влил изрядную порцию коньяка себе в чашку. Комната наполнилась насыщенным ароматом, и гость тут же с наслаждением отпил несколько глотков. Его рука нервно сжимала ручку крохотной кофейной чашечки. Покрасневшие фаланги пальцев выдавали его напряжение.

— Я, признаться, несколько выбит из колеи, Петр Николаевич... Не знаю, насколько вы информированы о причинах моего визита...

— Меня коротко ввели в курс дела. Трагедия, произошедшая на соревнованиях. Все это на первый взгляд более чем странно, — произнес генерал, припоминая подробности разговора с одним из своих начальников, который, собственно, и

просил Орлова принять Ткаченко и оказать последнему всю посильную помощь.

И это несмотря на то, что личность Ткаченко не нуждалась в протекции. Генерал был наслышан об этом человеке. Теперь же на нем лежал еще и груз дополнительной ответственности перед третьим лицом. Николай Алексеевич Ткаченко был уважаемый в определенных кругах человек. Его банковский бизнес, хотя и не являлся лидирующим в соответствующих сводках, приносил тем не менее известный доход, а главное, паевое участие в ряде других преуспевающих проектов, что делало его одним из самых богатых людей, с которыми Орлову когда-либо приходилось иметь дело.

— Расскажите, пожалуйста, подробности, — попросил генерал и неосознанно бросил взгляд на свободную руку Ткаченко, которой он нервно теребил край скатерти.

— Честно говоря, мне и сказать-то вам нечего. Парень, которого застрелили на гонках, был весьма интересной личностью. Я немного был с ним знаком, но никогда не знал о его делах. Не думаю, что он мог быть втянут в реально серьезное дело. Об этом я бы знал наверняка. Возможно, все это — какая-то ошибка. Но почему это произошло именно на моих гонках?.. Черт возьми, понятия не имею!

Генерал наблюдал за собеседником и про себя думал, что он мог представить Ткаченко каким угодно, но только не таким, каким он предстал сейчас перед ним. Это был довольно решительный человек с мужественной внешностью, с которой совершенно не сочеталась нервозность и суетность. Тем не менее Ткаченко сейчас выглядел лихорадочно взволнованным.

— Должен вам сказать, что эти гонки для меня — то многое, что я могу себе позволить делать для души, что называется, — горячо продолжил Ткаченко, заметив на себе застывший взгляд генерала. — Я не так боюсь за свой бизнес, как за репутацию этих гонок. Поймите, это то, во что очень многие люди искренне вкладывают всю свою душу. Ралли для них — это образ жизни, хобби, отдушина. Разрушиться может любой из моих бизнесов, но я не понесу больших убытков, чем от падения репутации моих гонок. Честно говоря, я не так боюсь потерять банк, как это дело. Понимаете?

Орлов кивнул и задумался. Перебивать собеседника и уже тем более задавать ему встречные вопросы он пока не торопился.

— Тут есть еще один момент, — тем временем разглагольствовал Ткаченко. — Гонки финансируют очень серьезные корпорации. Машины, расходы на аренду трасс и земли, сооружения и прочее... Сейчас в это дело вкладываются очень серьезные люди и исключительно благодаря моим личным контактам и определенному уровню доверия ко мне.

Николай Алексеевич опрокинул в рот остатки кофе и поставил пустую чашку на блюде. Генерал тут же привстал, направляясь к кофеварке, но гость остановил его.

— Я, если вы не против, просто коньячку. Без кофе.

— О чем речь! — расплылся в добродушной улыбке Орлов. — Я бы и сам с удовольствием поддержал вас, но не могу. Впереди рабочий день. Разве что только пригубить...

Генерал подошел к небольшому бару на колесиках и, открыв верхний ящик, извлек оттуда пару рюмок. Вернувшись к гостю, он аккуратно заменил посуду, а чашки из-под кофе пристроил на нижнюю полочку. Наполнил рюмки коньяком. Приподнял свою и призвал гостя тоже поднять рюмку. Мужчины чокнулись и молча выпили.

— Ну и как вы оцениваете это дело, Петр Николаевич? Каковы шансы на успех? — произнес Ткаченко после паузы.

— Любое преступление можно раскрыть. Весь вопрос в том, сколько времени это займет. Нет такого дела, в котором нельзя было бы восстановить истинный ход событий. Если мы не успеем, то это за нас сделает время. Это я к тому, чтобы вы были уверены, что правда восторжествует. Что касается сроков, то здесь сложно что-либо сказать. Одно я могу гарантировать. Я задействую лучшие силы, и все, что в принципе можно сделать для раскрытия этого преступления, будет сделано. Я уже просматривал первичные материалы. Нам повезло, что на место преступления выезжали наши ребята. Так что по горячим следам они кое-что собрали. А что вы сами можете предположить? — поинтересовался генерал напоследок.

Ткаченко неопределенно повел плечами.

— Парня знали многие. И в первую очередь как превосходного гонщика. Я боюсь, первое, что может прийти в голо-

ву, так это то, что его просто убрали как конкурента. Ему действительно многие завидовали. Это я точно знаю, потому что так или иначе общаюсь со всеми участниками. Ребята приходят ко мне за советом. Да, может быть, я знал Михайловского чуть больше, чем других участников гонок... Ему нельзя было не симпатизировать. Он — суперпрофессионал. Одно то, как он водит машину, достойно восхищения. А то, как он проходит любые, самые сложные трассы, — это просто совершенство. Талант. У него потрясающий талант! Я бы даже сказал, врожденный. Мы собирали довольно большое количество зрителей во многом благодаря этому парню. Мы даже иногда специально, чтобы посмотреть, как он справится с трассой, устраивали сложнейшие препятствия, которые совершенно точно были не по силам никому из гонщиков.

Ткаченко увлекся, встал из кресла и зашагал по комнате. Было видно, что человек говорил о сокровенном. Затем он замолчал ненадолго и продолжил:

— Но, повторяю, утверждать, что я знал этого парня как свои пять пальцев, я не могу. Он был для меня загадкой. Откуда в нем было это удивительное чувство трассы и руля?.. Это просто от бога. Но я что-то увлекся. Извините.

— Да нет, что вы, — успокоил его Орлов. — Чем больше информации вы нам дадите, тем проще будет работать. Но единственное... Я бы сразу пригласил сюда сотрудников, которые будут заниматься вашим делом...

— Ну, разумеется, — согласился Ткаченко.

Генерал позвонил по телефону внутренней связи и попросил Верочку вызвать к нему Гурова и Крячко.

— Что это за люди? — поинтересовался Ткаченко.

Орлов понял подоплеку вопроса и сразу же успокоил своего собеседника:

— Вы можете абсолютно доверять им. Как мне.

Сыщики не заставили себя долго ждать. Через пять минут они в сопровождении Верочки вошли в кабинет начальника.

Первый в кабинете показался Крячко, а через пару секунд, прикрывая за собой дверь, вошел и Гуров.

— Полковник Лев Гуров и полковник Станислав Крячко, — представил их генерал.

Поднявшись с кресла, Ткаченко сделал шаг навстречу подчиненным Орлова и поздоровался с обоими по очереди.

— Наслышан о вас, — сказал гость и добавил, глядя в глаза Гурову: — С большим уважением пожал вам руку. Правда.

— Удивлен, — немного слукавил полковник.

— Ну что вы? Когда работаешь там, где каждый день случаются преступления разной степени тяжести, начинаешь обращать внимание на такие вещи. А бизнес сейчас в России сплошь — криминал. Вы же сами знаете. Так повелось, — проговорил Ткаченко и вернулся в свое кресло.

— Присаживайтесь и вы, ребята. В ногах правды нет, — пригласил генерал и осмотрелся вокруг себя в поисках стульев.

Гуров, не дожидаясь дополнительных приглашений хозяина кабинета, прошел в дальний угол комнаты и перенес оттуда пару стульев. Для себя и для своего напарника.

Проходя мимо Крячко, Гуров бросил на него мимолетный взгляд. Тот стоял перед генералом и его визитером насупившись, но, заметив, что пойман Гуровым с поличным, сделал вид, что недовольство его связано с головной болью. Потер виски и поблагодарил Гурова за стул.

— Коньячок? Кофе? — осведомился Орлов, подождав, пока все усядутся.

— Да, мне бы кофейку, — отозвался Гуров.

Крячко только безмолвно кивнул головой в знак согласия.

— Они совершенно не пьют, Николай Алексеевич, но не обращайтесь на это никакого внимания. Это мои лучшие сотрудники. Да! — спохватился Орлов и только сейчас счел необходимым представить сыщикам визитера. — Николай Алексеевич Ткаченко — организатор ралли под названием «Выраж». Человек он известный, и, думаю, вам его представлять более полно не надо.

Гуров согласно кивнул.

— Я бы хотел, чтобы все, что вы рассказали мне, вы повторили сейчас моим сотрудникам, — проговорил генерал и, поднявшись с кресла, направился к своему письменному столу, предоставив возможность собеседникам свободно говорить, не стесняясь его присутствия.

Ткаченко вопросительно посмотрел на генерала, когда тот занял место в своем кожаном кресле на колесиках за столом.

— Да прямо как мне рассказывали, так и говорите. А они ориентируются, остановят, если нужно, вопросы зададут, — ободрил его Орлов.

Тем временем оба полковника ненавязчиво наблюдали за гостем. Внешность этого человека была весьма интересна. При том, что Ткаченко являлся представителем довольно консервативного направления в бизнесе, внешность его совершенно не увязывалась с родом его занятий. Он скорее напоминал неформала. Будь его одежда несколько более свободной, а манеры развязнее, его вполне можно было бы принять за какого-нибудь актера или художника. Он был выше среднего роста, спортивного телосложения. Привлекала внимание и его прическа. Волосы с проседью не были аккуратно уложены, а торчали в разные стороны. Бородка и усы придавали лицу мужественный вид. На нем были кремового оттенка льняные брюки и кремовая же водолазка. На ногах — рыжего цвета замшевые мокасины с ажурными прорезями в них. Ткаченко слегка сутулился. В целом же он производил впечатление человека, следящего за собой, хотя и не придающего своему внешнему виду большого значения.

— Если коротко, то у меня на гонках застрелили человека... — начал Ткаченко.

Затем он слово в слово пересказал новым слушателям то, что ранее изложил Орлову. Сыщики выслушали его внимательно и за все время длительного монолога ни разу не перебили. Гуров лишь изредка покачивал головой в знак того, что у него понемногу вырисовывается картина происшедшего.

— А известно ли вам о пристрастии этого Михайловского к какому-нибудь зелью? — спросил генерал, не вставая со своего рабочего кресла, когда Ткаченко замолчал.

— Вообще да... Что-то такое было. Он в свое время увлекался то ли алкоголем, то ли чем-то еще... Насколько я знаю, косвенно это и послужило причиной его окончательной размолвки с официальным гоночным спортом... — Ткаченко сделал небольшую паузу, отставил в сторону рюмку, вновь наполненную коньяком. Затем, не вставая с кресла, выудил из заднего кармана брюк слегка помятую пачку сигарет и бросил

ее на стол рядом с рюмкой. — Но реально, я думаю, тут могла быть и обратная сторона медали, о которой мы ничего не знаем. Когда же он пришел ко мне, насколько мне известно, ничего такого не было.

— Не факт, — возразил Крячко. — А каков статус ваших гонок? — поинтересовался он, убедившись, что Ткаченко больше ничего не собирается говорить на эту тему. — Это официальные соревнования? Как они регистрируются?

— Они законны. Я абсолютно ничего не нарушаю, проводя подобные старты. Каждый из участников обязан быть застрахован специальной страховкой. Это очень дорогое удовольствие. А насчет официальности, судите сами. Есть общеизвестные соревнования, которые проводят под крышей министерства спорта. У меня, если хотите, альтернативное ралли. Если хотите, неофициальное. Можно и так называть. Чиновники от спорта периодически начинают выступать против, но скоро замолкают, потому что им не в чем нас упрекнуть. Все в рамках закона. Безопасность на высшем уровне. Юридически никаких зававык. Все правильно оформлено... У меня зарегистрирована организация, которая и проводит соревнования. Площадки и дороги для гонок мы арендуем также вполне официально.

— Как это вполне? — Крячко не унимался.

— А так. Есть люди во всех инстанциях, через которые приходится пройти, чтобы организовать заезды. Эти люди хорошо меня знают и на протяжении всего времени мне помогают организовать ралли. В комитете спорта, в дорожном комитете и так далее... — Ткаченко испытующе посмотрел на Крячко, выясняя, достаточно ли полным оказался его ответ.

— А почему вы обратились именно к нам в управление? У вас не вполне официальное предприятие. А молодой человек, которого... Который стал жертвой, скажем так... Возможно, наркоман. Я читаю газеты, смотрю телевизор, и о его пагубном пристрастии трубили немало в свое время. А вы хотите уверить нас, что он завязал? Не так ли?

— Должен же кто-то восстановить справедливость, — несколько туманно ответил Ткаченко на пылкую тираду Станислава. — И потом, я всегда был около государственных струк-

тур, и всегда у меня были хорошие, взаимовыгодные отношения с любимыми инстанциями.

— Стас всегда берет на измор своего клиента, если так можно выразиться, — заступился за Ткаченко Орлов. — Вы не обращайте внимания, это только для того, чтобы дело лучше продвигалось. Он, как это говорится, «адвокат дьявола»... Но потом эти двое делают такое, что и не снится целой армии оперативников.

— Стас чего-то не в духе сегодня. Я тоже заметил, — поддел напарника Гуров, припомнив тот самый недовольный взгляд, который уловил несколько минут назад.

— Да что вы, я же не мальчик. Меня, к сожалению, сейчас мало чем можно испугать. Я в жизни насмотрелся, — успокоил Ткаченко своих собеседников и снова потянулся за рюмкой на столе.

— Расскажите о самих гонках, — попросил Гуров, улучив момент для продолжения диалога.

— Что именно? Тут можно бесконечно рассказывать.

— Все, что посчитаете нужным.

— Хорошо. — Ткаченко кивнул. — Я организовал эти гонки лет семь назад. А вообще история эта очень давняя. Идет, можно сказать, еще из моего детства. Лет в тринадцать я сам увлекся автогонками. Seriously увлекся. До этого я всегда смотрел по телевизору соревнования, ездил с отцом за рулем у него на коленях... Но это все было лишь основой для моего дальнейшего увлечения автомобилями...

Николай Алексеевич остановил свой рассказ на несколько секунд. Коньяк начинал источать по всей комнате едва уловимый аромат, как только рюмку брали в руку и тепло ладони передавалось напитку. Он поднес рюмку ко рту и одним махом опрокинул коньяк. Поставив уже пустую рюмку на стол, Ткаченко слегка поморщился. Затем с ловкостью подвыпившего человека поискал в заднем кармане брюк, откуда ранее выудил пачку сигарет, зажигалку. Все эти манипуляции происходили в абсолютной тишине, которую нарушил вопрос Крячко.

— А что сейчас? — произнес он, наблюдая за тем, как гость с удовольствием затягивается дорогой сигаретой какой-то неизвестной ему марки.

— Вы сейчас поймете, к чему я клоню, — произнес Ткаченко, смакуя сигарету.

Заметив, что Крячко в упор разглядывает пачку, которая теперь лежала на столике, он поспешно предложил сыщикам закурить.

— Нет, спасибо. Вы ведите себя, как вам удобно. Мы несколько не стеснены, — успокоил его Гуров. — Итак, вы всерьез увлекались ралли, а дальше...

— Ну, в общем, это увлечение из детства, и, как часто бывает, оно стало частью моей взрослой жизни. Если не большей, то очень значительной. Вырос, стал гоняться на ралли. Но вскоре понял, что даже если я и стану выигрывать большие соревнования, то вряд ли мне удастся когда-нибудь влиться в гоночную тусовку. Слишком много у этих ребят гонора... Здесь крутятся очень большие деньги, и не всегда талантливые гонщики пробиваются в лидеры. Часто это те, кто умеет ходить, что называется, по трупам. Часто фирмы-производители авто сами лоббируют того или иного гонщика, буквально сживая со свету какого-нибудь тихого паренька, который в состоянии, может быть, сотворить чудо на трассе, но ему не дают раскрыться.

— Да, общеизвестный случай, — произнес Гуров.

Ткаченко, довольный, что его внимательно слушают, продолжал:

— Короче, я выбрал другую стезю, но эта тяга у меня так и осталась. Знаете, так бывает, что вроде как бы занимаешься делами, крутишься... Часто успешно, но что-то истинное в тебе как будто дремлет, как будто все не то. В общем, ты понимаешь, что главное вовсе не то, чем ты занимаешься, а то, чем ты бредил в детстве, а потом сказал себе, что все уже умерло. Но нет! Живо! Оно все равно живо в тебе. Так и у меня получилось. Короче, я и еще несколько моих компаньонов решили попробовать и... У нас получилось. Через три года дело раскрутилось так, что приняло масштабы, сопоставимые с ежегодными официальными ралли.

Ткаченко замолчал и потянулся к бутылке с коньяком, которая уже на треть опустела.

— Кто участвует в гонках? — поинтересовался Гуров, перехватив движение Ткаченко.

Тот, уже слегка осоловелый, приостановился и вместо того, чтобы взять коньяк, переложил пачку сигарет к себе в карман.

— Разные люди. Есть молодые. Те, которые что-то могут за рулем, и за них платят спонсоры. Есть бизнесмены и политики, когда-то увлекавшиеся ралли, но кто по разным причинам не смог или не захотел идти в официальный спорт. Их дети...

— А какие были отношения у Михайловского с остальными гонщиками?

— Разные. Он ни с кем не дружил. Но и не враждовал особо.

— Вспомните, может, были какие-нибудь ссоры между участниками или... — Полковник не успел закончить фразу.

— Были. В день заезда Михайловского он едва не подрался с одним парнем. С Антоном Верницким.

— Вот как? А что произошло? — поинтересовался Гуров.

— Точно не знаю, — замылся Ткаченко. — Я, как обычно, встретился перед гонкой с Виктором... Мы всегда обсуждали заезд, некоторые мелочи относительно трассы, еще кое-что. А затем Михайловский пошел к своей машине, проверять готовность систем. Он всегда сам смотрел автомобиль перед стартом... Я не видел, кто из ребят проявил инициативу, но когда обернулся, несколько человек уже обступили Виктора, а Антон ближе всех стоял к нему. Он толкнул Михайловского в грудь и...

— А кто этот Антон? — спросил Крячко.

— Ну, в общем, довольно талантливый малый. Сын одного из правительственных чиновников. Отец, кстати, тоже у меня гоняется...

— Сколько всего их было? — прервал Ткаченко Гуров. — Тех, что обступили Михайловского?

— Человек семь. Но, должен сказать, я был совершенно спокоен. Михайловский был не из робкого десятка. Он так отпихнул Верницкого, что тот отлетел в руки стоявших у него за спиной ребят. И пыл того сразу как-то поугас. Дальше я только слышал, что поссорившиеся выкрикивали друг другу что-то, но что именно, я не мог разобрать.

— Думаю, нам придется поговорить с ними. Когда это можно сделать?

— Да хоть сегодня. Сейчас как раз идут полуфинальные за-

СОДЕРЖАНИЕ

МЕСТО ВСТРЕЧИ НАЗНАЧАЕТ ПУЛЯ.....	7
НАПЕРЕГОНКИ С УБИЙЦЕЙ	193